

О ВЛИЯНИИ ОПИУМНОГО ВОПРОСА НА РОССИЙСКО-СИНЬЦЗЯНСКИЕ ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1914–1920-е гг.

На основе нового источниковедческого материала автором были проанализированы причины появления «опиумного вопроса» и его влияние на развитие торгово-экономических и политических отношений китайской провинции Синьцзян с царской, а затем и Советской Россией и СССР. Выявлены основные этапы развития «опиумного вопроса», его особенности. Опиум неоднократно становился препятствием в российско-китайских переговорах об установлении дипломатических и торгово-экономических отношений, а также стал одной из основных причин, способствовавших активному развитию контрабанды с этой провинцией. Влияние фактора опиумного вопроса сойдёт на нет, по существу, только во второй половине 30-х гг. XX в.

Ключевые слова: опиум; торговля; Россия; Синьцзян; белогвардейцы.

Так называемый опиумный вопрос, т.е. влияние на внутрисоциальное и международное положение Китая масштабного завоза и распространения здесь английскими купцами опия, довольно подробно рассматривался советскими, российскими и зарубежными учеными [1, 2].

Однако его влияние на развитие торгово-экономических и политических отношений с китайской провинцией Синьцзян сначала с царской, а затем Советской Россией и СССР оказалось за рамками интереса исследователей. Между тем анализ документов показывает, что в дореволюционный и постреволюционный период, по крайней мере до конца 20-х гг. XX в., опиум наряду с золотом, серебром, сайговыми рогами стал не только основной валютой в расчетах за товары из Синьцзяна, но и одной из основных причин, способствовавших активному развитию контрабанды с этой провинцией. Известно, что опиум в указанный период был «предметом торга» в выстраивании политических отношений с центральными и местными китайскими властями, неоднократно становился препятствием в российско-китайских переговорах об установлении дипломатических и торгово-экономических отношений.

Опиум в мире был известен давно. В Китае его начали курить в конце XVII в. В этот период основные поставки опиума в страну осуществлялись из Индии и Персии, с XIX в. главным поставщиком стала английская Ост-Индская компания. Уже в конце XVIII в. англичане завозили в Китай около 4 тыс. ящиков. В первые годы XIX в. в Китай ежегодно ввозилось до 4 тыс. ящиков опия, а в 1838 г. ввоз достиг 40 тыс. ящиков. При этом каждый ящик весил около четырех пудов.

Развитие опийного дела в российском Туркестане было положено в 60-е гг. XIX в., когда из Кульджинского округа китайской провинции Синьцзян в его пределы переселились дунганы. Они знали культуру опийного мака, и первые опыты по его выращиванию были проведены в районе сел Токмак и Каракунз Александровского (Пишпекского) уезда. В дальнейшем посевы опиумного мака из Джаркента и Токмака распространились в соседний Пржевальский (Каракольский) уезд. Вследствие отдаленности Семиречья от железных дорог, отсутствия инфраструктуры и

транспорта местное население, не имея других источников доходов, было вынуждено переходить к более интенсивному, хотя и незаконному, виду хозяйственной деятельности, которая заключалась в выращивании опиума. Культивирование этой культуры приносило 60–80 руб. чистой прибыли с десятины в дополнение к основному занятию – земледелию (30–40 руб. в год) [3. С. 20].

Российские власти первоначально не воспользовались сложившейся практикой возделывания опиума на своей территории, предпочитая покупать его за границей. Более того, ими был предпринят ряд жестких мер по его запрету. Поэтому инициативу в этом деле перехватили китайские купцы. Каждый год весной они стали договариваться с населением российского приграничья о количестве посевов опиумного мака, а осенью увозили готовую продукцию в Китай. За разрешение выращивать опиум население российского приграничья получало свои дивиденды. Так сложилась и получила распространение практика «макосеяния», которая неоднократно становилась одной из основных причин конфликта между китайским правительством сначала с властями царской, а затем Советской России.

Позиция российского правительства в отношении опиума стала меняться с началом Первой мировой войны. В связи с сокращением, а с 1916 г. прекращением его импорта из-за границы военно-медицинские учреждения стали испытывать недостаток в морфине, кодеине и других препаратах, созданных на его основе. Вследствие этого власти были вынуждены искать возможности его производства внутри страны. С этой целью в Семиречье прибыл Уполномоченный санитарной части принц Ольденбургский-Вильнев вместе со студентами-химиками. После проведения соответствующих исследований качества опиума было принято решение о легализации его посевов. Согласно архивным данным производство опиумного мака после этого получило широкое распространение в Семиреченской области, «доходя порой до десятков тысяч десятин» [4. Л. 96].

Однако запоздалая организация его производства и объявленная монополия государства на выращивание этой культуры, а также невысокая цена в сравнении с той, что предлагали китайские купцы, приводи-

ли к тому, что часть опиума по-прежнему уходила в Китай. Особенно сильно китайская конкуренция сказывалась в момент отсутствия твердой валюты, недостатка мануфактуры и других товаров широкого потребления.

После октябрьских событий 1917 г. в России, в период повсеместного социально-экономического кризиса, в стране наметился спад производства опиума. В то же время возрос интерес к этой культуре как со стороны большевиков, так и их оппонентов в гражданском противостоянии в приграничных с Западным Китаем территориях. Опиум на определенное время стал экономической и политической основой их взаимоотношений с администрацией Синьцзянской провинции. Ситуация объясняется тем, что в период Гражданской войны в России обе противоборствующие стороны были заинтересованы в сотрудничестве с Синьцзяном. Богатая сырьевыми ресурсами сопредельная китайская территория представляла интерес и как поставщик продовольствия, одежды, конского состава, и как возможный политический союзник в нараставшем накале борьбы. Для решения поставленных задач торговые представители Советской России при отсутствии конвертируемых товаров были вынуждены торговать с властями провинции за золото, серебро, сайгачьи рога или опиум, который был востребован на ее рынках. К торговле с Синьцзяном в качестве посредников привлекались китайские «макосевы». Как следует из доклада консула в Чугучаке В. Долбежева колчаковскому правительству в Омск, «они (т.е. «макосевы». – *Т.Ш.*) доставляли большевикам все необходимое, даже ружья и порох», в обмен на разрешение выращивать опиумный мак в российском приграничье и после переработки вывозить его в провинцию [5. Л. 30]. Нужно отметить, что подобные торговые сделки с большевиками находили поддержку в Синьцзяне у чиновников самого высокого уровня, заинтересованных в поставках опиума.

Согласно архивным данным именно этот взаимный интерес стал одной из причин, по которой правящие круги Синьцзяна первоначально отказывали в помощи белогвардейцам в их борьбе с Советами. «При существующем положении вещей рассчитывать на помощь китайцев против большевиков нет основания», – писал В. Долбежев в своей телеграмме за № 376 от 25 июля 1919 г. на имя военного министра в Омск [5. Л. 30]. Заинтересованность представителей китайской элиты в поставках опиума в провинцию отмечали и представители советской власти, так как опиум неоднократно становился препятствием в практической реализации российско-синьцзянских договоренностей.

Наглядной иллюстрацией влияния опиумного вопроса на выстраивание отношений советского руководства с властями провинции является проблема, связанная учреждением в Кульджинском округе поста советского комерagenta. Сначала местные власти согласились с этим предложением Советской России. Как только отдел Внешторга в Джаркенте в апреле 1920 г. ужесточил борьбу с контрабандой в российской приграничной зоне, в рамках которой была за-

держана партия опиума, принадлежавшая кульджинским купцам, якобы полученного ими от областного совнархоза по договорам за поставку на Семиреченский фронт лошадей и полушубков, так сразу наметившееся с Синьцзяном сближение было приостановлено. Эти совершенно законные, с точки зрения международного права, действия советских органов власти не нашли понимания у провинциальных властей Китая. Как следует из документов, все дело оказалось в том, что «в получении этого опия были заинтересованы Чжен Шоуши (начальник пограничной охраны) и даоинь (гражданский правитель округа)». В результате «переписка с Китаем почти прекратилась, а без того слабая торговля замерла» [6. Л. 169].

Белогвардейцы также довольно часто выстраивали свои взаимоотношения с властями собственно Китая и его западной провинции, используя тему опиума. Так, в 1919 г. в штабе адмирала Колчака было принято решение сформировать отряды из российских беженцев, находившихся в Синьцзяне. Через своих представителей белогвардейцы попросили разрешения на проведение этого мероприятия у пекинских властей, но вначале получили отказ. Китай не хотел осложнения отношений с большевиками. Тогда министр иностранных дел Омского правительства И.И. Сукин предложил увязать решение этого вопроса с «удовлетворением» просьбы китайской администрации и принять закон «об ограничении макосеяния в наших пограничных с Западным Китаем областях» [7. Л. 59]. Но при этом призывал колчаковские власти действовать крайне осторожно, так как появление подобного закона могло вызвать «неудовольствие местных китайских властей», которые были заинтересованы в поставках опия в Синьцзян [Там же]. Дело в том, что Центральное правительство Китая уже длительное время боролось с опиокурением в своей стране и в связи с этим неоднократно обращалось к властям царской, а затем и Советской России с просьбой о запрете «макосеяния» на ее приграничных территориях. Однако понимания со стороны российских властных структур эти просьбы в то время не находили.

Несмотря на то что вопрос о формировании отрядов из русских беженцев был положительно разрешен лишь после перехода значительных сил белогвардейцев на территорию Синьцзяна, факт использования темы опиума как «рычага давления» в отношениях с китайцами свидетельствует о ее значимости в рассматриваемый период.

Необходимо отметить и то, что опиум в годы Гражданской войны в России был основным компонентом всех видов контрабанды на российско-китайской границе. Это объясняется тем, что он являлся одним из эквивалентов валюты для оплаты за приобретаемые товары, «ибо опиераб, продав опий в Китай, оттуда ввозит все предметы первой необходимости» [4. Л. 96]. Известный исследователь Дм. Илимский писал в своей статье, посвященной вопросам контрабанды: «Что касается опия, то его вывоз в Западный Китай будет соблазнять контрабандистов до тех пор, пока китайцы будут курить его»

[8]. Решить проблему контрабанды опиума удалось только к концу 20-х гг. XX в. уже после создания СССР. В силу приведённых выше обстоятельств опиумный вопрос на протяжении всех 1920-х гг. еще не раз становилась препятствием в становлении и развитии советско-китайских отношений в целом и в советско-синьцзянских отношений в частности.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период опиумный вопрос оказывал

реальное и вполне действенное влияние на весь комплекс политических и торгово-экономических взаимоотношений с Китаем и Синьцзяном сначала царского и временного правительств России, затем, в годы Гражданской войны, правительств большевиков и Белого движения и, наконец, правительства Советского Союза. Влияние фактора опиумного вопроса сойдёт на нет, по существу, только во второй половине 30-х гг. XX в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бутаков А.М., Тизенгаузен А.Е. Опиумные войны: Обзор войн европейцев против Китая в 1840–1842, 1856–1858, 1859 и 1860 годах. М., 2002. 400 с.
2. Фан Вэнь-лань. Новая история Китая. Т. 1 : 1840–1901. М., 1955. 630 с.
3. Шебалин П.И. Опиум – его обработка и добывание в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1926. № 2. С. 19–42.
4. Российский Государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 413. Оп. 14. Д. 355. Л. 96.
5. РГАЭ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 420. Л. 30.
6. РГАЭ. Ф. 1111. Оп. 3. Д. 105. Л. 169.
7. РГАЭ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 322. Л. 59.
8. Илимский Д. Контрабанда // Внешняя торговля. 1928. № 7. С. 53–55.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 апреля 2015 г.

THE INFLUENCE OF THE OPIUM PROBLEM ON RUSSIAN-XINJIANG TRADE, ECONOMIC AND POLITICAL RELATIONS IN 1914–1920S

Tomsk State University Journal, 2015, 396, 108–110. DOI: 10.17223/15617793/396/19

Shemetova Tamara A. Altai State Pedagogical University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: ist-vi@uni-altai.ru

Keywords: opium; trade; Russia; Xinjiang; White Guards.

The so called “opium problem”, that is the influence of a large-scale import and distribution of opium by English merchants on inner and international situation of China, was investigated by Soviet, Russian and foreign scientists very closely. But its influence on the development of trade, economic and political relations between the Chinese province of Xinjiang and Tsarist and later on Soviet Russia and the USSR was not within the frame of investigation. The analysis of the documents shows that in pre-revolutionary and post-revolutionary periods, at least up to the end of the 1920s, opium as well as gold, silver and saiga antlers became not only the main currency in the trade with Xinjiang but also one of the main reasons which encouraged the active development of smuggling in this province. It is known that in the stated period opium was a subject of bargaining in building political relations with central and local Chinese authorities. Not once it became a hindrance in Russian-Chinese negotiations on establishing diplomatic, trade and economic relations. The problem with the establishment of a post of a Soviet commercial agent in Kuldjing district is a vivid illustration of the influence of the opium problem on forming the relations between the leaders of the Soviet state and the authorities of the province. At first, the local authorities agreed with this suggestion of Soviet Russia. But when in April 1920 Vneshtorg Department in Jarkent toughened the fight against smuggling in the Russian border line zone. The Department detained a part of opium belonging to Kuldjing merchants as if received from the regional council of national economy according to the treaties for bringing horses and short fur coats to the Semirechensky front. As a result, the rapprochement between Russia and Xinjiang was suspended. White Guards also built their relations with the authorities of China and its western province using opium. It is necessary to note that during the Civil War opium was the main component of smuggling at the Russian-Chinese border. It is explained by the fact that it was one of the equivalents of currency for payment for acquired goods. The problem of opium smuggling was solved only by the end of the 1920s after the foundation of the USSR. So the opium problem really affected all the complex of political, trade and economic relations with China and Xinjiang which were established at first by the Tsarist and Provisional governments of Russia, and during the Civil War by the governments of the Bolsheviks and White Guards and, at last, by the government of the Soviet Union. The influence of the opium problem will come to the end only in the second half of the 1930s.

REFERENCES

1. Butakov, A.M. & Tisengausen, A.E. (2002) *Opiumnye voyny: Obzor voyn evropeytssev protiv Kitaya v 1840–1842, 1856–1858, 1859 i 1860 godakh* [The Opium Wars: the Review of the Wars of Europeans against China in 1840–1842, 1856–1858, 1859 and 1860s]. Moscow: AST.
2. Fang Wen-Lan. (1955) *Novaya istoriya Kitaya* [New History of China]. Vol. 1: 1840–1901. Moscow: Inostrannaya literatura.
3. Shebalin, P.I. (1926) *Opiy – ego obrabotka i dobyvanie v Kazakhstane* [Opium: Its Processing and Extraction in Kazakhstan]. *Narodnoe khozyaystvo Kazakhstana*. 2. pp. 19–42.
4. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 413. List 14. File 355. P. 96.
5. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 200. List 1. File 420. P. 30.
6. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 1111. List 3. File 105. P. 169.
7. Russian State Archive of the Economy (RGAE). Fund 200. List 1. File 322. P. 59.
8. Ilmskiy, D. (1928) *Kontrabanda* [Smuggling]. *Vneshnyaya trgovlya*. 7. pp. 53–55.

Received: 20 April 2015